

шев продолжил укрепление вековых духовных традиций русской культуры, на которых и зиждется государственность России. Хотелось бы надеяться на то, что эти традиции, с учетом современных условий, сохранятся не только поныне, но и в будущем.

Примечания

1. Валк С.Н. Введение ... // В.Н. Татищев. Избранные произведения. М., 1979.
2. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 938.
3. Там же. Д. 279.
4. Духовная тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева, сочиненная в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу. СПб., 1773.
5. Татищев В.Н. Духовная моему сыну. СПб., 1896.
6. Духовная Василия Никитича Татищева. Казань, 1885.
7. Попов Н. В.Н. Татищев и его время. М., 1861.
8. Попов Н.А. Ученые и литературные труды В.Н. Татищева. М, 1887
9. Татищев В.Н. Представление о купечестве и ремеслах // Татищев В.Н. Избранные произведения. М., 1979. С. 392–401.
10. Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки // Татищев В.Н. Избранные произведения. М., 1979. С. 402–415.
11. Татищев В.Н. Наказ шихтмейстеру // В.Н. Татищев, Записки. Письма. М., 1990. С. 176–186.

Е.В. Кирьякевич (ЮУрГУ)

ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ УРАЛА НАЧАЛА XX В. В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

История повседневности, особенно популярная в настоящее время, призвана моделировать не столько внешнюю, вторичную человеческому духу рассматриваемой эпохи бытовую, материально-вещную оболочку частной жизни, сколько, в первую очередь, реконструировать внутренний, духовный мир человека прошлого, раскрыть «потенное», личное в человеке. Описание бытовых артефактов и событий играет лишь вспомогательную роль, имеет самоценность не в своей данности, а в своей возможности выступать источником, средством постижения и идентификации духа человека в истории. Описательная вещно-событийная историческая модель выступает не информацией, а сообщением, носителем информации. Это только первый шаг к открытию собственно ценного в истории человечества – потенциала и кинетики духа.

Казалось бы, что может рассказать такой простой факт, как покупка огнестрельного оружия, ставшая почти что обязательным условием до

или после отъезда горного инженера на службу из западных, а значит благополучных, губерний, на Урал, а значит – в «медвежьи углы», где рабочий вопрос, вследствие низкой плотности населения, простых и грубых нравов мог напрямую угрожать личной безопасности. В августе 1907 г., после семимесячного пребывания в Богословском горном округе в качестве директора Сосьвинского завода, револьвер приобретает горный инженер К.Н. Прахов (который будет через несколько дней убит рабочими в результате малопонятного инцидента)¹. Принявший в феврале 1908 г. должность Главноуправляющего Богословским горным округом горный инженер Н.Н. Шелгунов перед отъездом на Урал приобретает браунинг².

О чем свидетельствует подобное поведение? Разумно предположить, что некоторые горные инженеры опасаются за свою жизнь, опасаются подчиненных им рабочих. Однако, опасаясь, что вполне естественно и логично, они выбирают самый примитивный, ненадежный и унижительный путь защиты – приобретение огнестрельного оружия. Пистолет – это внешняя по отношению к человеку вещь, инструмент, с помощью которого горный инженер надеется защитить свое брэнное существование. Горный инженер не уверен в собственной силе духа, в собственных коммуникативных способностях, в возможности компромисса или соглашения. Он не уважает рабочих, боится их, не считая возможным найти пути к соглашению, договору, даже если и существуют определенные объективные трудности (разница культур, материального положения, статуса и т. д.). Все это доказывает, что такой инженер не обладает чувством собственного достоинства. Видеть в рабочих только диких зверей, варваров может лишь человек, который не обладает элементарным уважением к себе, не обладает силой духа достойно встретить трудности и опасности. Лишенный достоинства инженер заранее депотенцирует себя, обрекая свое поведение в вечную зависимость от инструмента (оружия), не надеясь на собственный разум и волю. История же знает примеры доблести без применения оружия в намного более страшных событиях. Так, по сообщениям Плутарха, в Древнем Риме, при захвате города галлами (приблизительно в 390 г. до н. э.), некоторые сенаторы встретили варваров безоружными, спокойно сидящими на форуме, и были поголовно перебиты, не оказав ровно никакого сопротивления, но и не умалив собственного чувства достоинства: сенатор Маний Папирий, когда галл потянул его за бороду, разможил ему череп обыкновенным посохом, после чего был зарублен другим варваром³.

Однако только нескольких косвенных фактов и построенных на их основе умозрительных предположений недостаточно, чтобы предельно объективно характеризовать чувство собственного достоинства горных инженеров Урала начала XX в. Письменные источники содержат и фак-

ты, говорящие в пользу присутствия у наиболее выдающихся горных инженеров подлинного чувства достоинства. Так, Иванов Ф.А., управляющий заводами АО Кыштымских горных заводов, в своем письме директору-распорядителю Лесли Уркарту от 7 декабря 1908 г. по поводу увольнения русского инженера Клячина без его ведома и замены его англичанином Сингльтоном, вступает за Клячина. Более того, он заявляет готовность уволиться самому, заявляет благородно, в красивых фразах: «...Правление Кыштымской корпорации, приглашая г. Сингльтона для замены имеющегося инженера-химика, с одной стороны, высказывает свое недоверие ко мне, с другой – отрицает умение найти и создать нужный кадр интеллектуальных работников, в руках которых дело могло бы расти и крепнуть. Если таковой факт налицо, то, разумеется, я не заставлю тяготиться собой и уйду вместе с Клячиным»⁴. Горный инженер Ф.А. Иванов видит в оскорблении чести его подчиненного оскорбление в свой собственный адрес. И только чувство собственного достоинства позволяет ему смело апеллировать к собственной отставке, которая, скорее всего, могла означать конец карьеры и резкое уменьшение благосостояния. Отражение нетерпимости горного инженера к унижению человеческого достоинства мы видим и в воспоминаниях В.Е. Грум-Гржимайло: некий горный инженер N., управляющий Нязе-Петровского завода и сослуживец Управляющего П.М. Карпинского по Горному Корпусу, является к последнему по делам службы, но в ответ на вежливое обращение встречает полное игнорирование. Дело заканчивается тем, что N. не сдерживается и ударяет чертежом Карпинского по голове, называя его «Пашкой паршивым», а после пишет прошение об отставке в соседней комнате⁵.

Таким образом, в нескольких дошедших до нас фактах и свидетельствах приоткрывается часть духовного мира горного инженера. Очевидно, что некоторые инженеры обладали чувством собственного достоинства: без него невозможно эффективно управлять коллективом, заниматься профессиональным творчеством. С другой стороны, это же чувство собственного достоинства в одних случаях несколько гипертрофировано, в других же, наоборот, почти отсутствует. И построено оно на принципах традиционной дворянской и интеллигентской морали, не превратившись в сильное чувство, свойственное предпринимателям, первопроходцам.

К сожалению, безусловное преобладание в прошлом отечественной историографии формационного подхода не давало возможности в полной мере реализовать потенциал исследования внутреннего мира человека. И хотя исследователи настойчиво преодолевают образовавшуюся лакуну⁶, детальная разработка вопросов этики и эстетики различных категорий населения требует более пристального внимания.

Примечания

1. РГИА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1205. Л. 43, 82
2. РГИА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1210. Л. 2, 33
3. Камилл. / Пер. С.П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. I. М., 1961. С. 258.
4. РГИА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 233. Л. 10–11 об.
5. Грум-Гржимайло В.Е., Грум-Гржимайло С.Г. Секрет счастливой жизни. Книга для семейного чтения. / Под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 2001. С. 56
6. Мировоззрению интеллигенции Урала XIX в. посвящена диссертация Т.О. Санниковой, рассматривает бытие российской интеллигенции как феномен жизнотворчества Колесникова А.В., исследует самосознание русской интеллигенции начала XX в. Березовская Л.Г.; и множество др. работ.

Т.Г. Кожевникова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРМСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

История Пермского экономического общества неоднократно привлекала внимание исследователей и нашла свое отражение в ряде работ¹. Тем не менее, несмотря на то, что исторические условия возникновения и деятельность данного Общества достаточно полно изучены, определенный интерес представляет еще одна страница из жизнедеятельности Пермского экономического общества, не получившая пока детального освещения, а именно, его издательская деятельность. Между тем, судьба печатного органа Пермского экономического общества настолько же сложна и драматична, насколько и история самого Общества.

Согласно § 1 Устава Пермского экономического общества, утвержденного министром государственных имуществ 17 ноября 1882 г., Общество ставило перед собой следующие задачи: исследование состояния сельского хозяйства и кустарных промыслов Пермской губернии и содействие их совершенствованию и развитию; содействие распространению кредитных крестьянских учреждений в губернии; исследование состояния и содействие развитию противопожарной охраны в Пермской губернии². Для достижения поставленных задач Общество имело право среди прочих мероприятий «печатать на общих основаниях свои труды» (§ 6), причем издательская деятельность Общества входила в компетенцию его Совета³. Однако, попытка открыть Пермское экономическое общество в 1880-е гг. была пресечена местными властями⁴, а вместе с тем была утрачена возможность приступить к изданию собственных «Трудов».